МИР 30.12.2019 | Евгений Морозов

«Четкое видение цифрового социал-демократического государства»

План Уоррен по дроблению гигантов инфотеха не имеет левой направленности. Какой может быть эффективная политика левых в цифровой сфере.

Это интервью также доступно на английском языке

Интервью взяла Клаудиа Детч

Вы неоднократно отмечали, что позиция левых сил в отношении гигантов инфотеха приобретает более радикальный характер. Это одна из ключевых тем президентской избирательной кампании в США, особенно для демократов. К примеру, Элизабет Уоррен уже объявила о том, что в случае своего избрания она займется дроблением крупных технологических корпораций, таких как Google, Facebook и Amazon. Как вы оцениваете радикализм подобных предложений?

То, что эти предложения попали в категорию «левых», не более чем дело случая – просто они поступают от кандидатов, которые подпадают под эту категорию. Но я не уверен, что такая классификация сохранится после серьезного анализа политических задач этих кандидатов. И тут многое также зависит от того, что вы понимаете под термином «левые силы».

Элизабет Уоррен всегда позиционировала себя как рьяный поборник капитализма – она не социалист. Она даже никогда не претендовала на то, чтобы быть социал-демократом. И в этом смысле программа дробления гигантов инфотеха – в том виде, в котором ее преподносит сама Элизабет Уоррен – это действительно программа по налаживанию работы смежных рынков.

Если взять Европу и, в частности, Германию, то там такого рода позиция нашла бы поддержку в кругу либеральных партий, то

есть эту программу никак нельзя отнести к разряду традиционных программ левых сил.

А к чему тогда будет сводиться радикально левое предложение?

Исконно левый проект потребует, вероятно, определенных действий по нивелированию безграничной власти этих компаний – их дробление могло бы стать одним из вариантов решения проблемы. Но оно должно осуществляться в контексте какой-то более широкой политической программы. Проще говоря: хорошо, вы их подробили – дальше-то что?

И здесь нет ответа со стороны левых сил, поскольку нет вопроса. А вопроса нет, потому что нет вразумительного, четкого видения модели цифрового социал-демократического или социалистического государства. И пока данная проблема не будет решена, дилемма будет оставаться.

А как могло бы выглядеть широкое политическое решение в данном случае?

Я попробую в общих чертах описать те дополнительные элементы, которые могут потребоваться для дробления корпораций и которые будут восприниматься как политическая программа левых сил, а не либералов. Такого рода программа предположительно потребует поиска новых путей по детоваризации социальных отношений.

Именно в этом, заключалась, к примеру, главная цель государства всеобщего благоденствия. Она сводилась к детоваризации предоставления таких услуг, как образование и здравоохранение, которые определяются как важнейшие и нерушимые факторы развития определенного единения в обществе. А также к развитию определенной склонности или тенденции к социальным инновациям.

Свободное образование неплохо себя зарекомендовало на практике, поскольку в конечном итоге оно позволило людям учиться в условиях, которые никак не зависят от их происхождения или социального класса. А это, в свою очередь, стимулирует прогресс и т.д. Эта миссия по созданию государства всеобщего благоденствия как такового, разумеется, не была реализована в полном объеме. По меньшей мере имеют место попытки сорвать ее реализацию. Но налицо уже новые типы социальных отношений, которые требуют детоваризации.

Если в целом посмотреть на кривую расширения капиталистических отношений с того момента, когда начали

множиться институты обогащения, и до сегодняшнего дня, то увидим, что сама по себе повседневная жизнь и социальные отношения между отдельными людьми – не просто между отдельными гражданами и институтами – постепенно переходили на рельсы финансизации и товаризации и в конечном итоге оформились как таковые. Хорошей предпосылкой стал бы поиск путей их детоваризации, что может потребовать предварительной детоваризации инфраструктурных объектов.

Я считаю, дробление гигантов инфотеха без такого более широкого видения контуров будущего цифрового государства и новых направлений детоваризации – без такого видения ни о какой левоориентированной программе и речи быть не может, а уж тем более о радикальной.

Где вы видите место европейцев во всех этих процессах? Они уже проиграли конкуренцию Кремниевой долине и Китаю? Или еще сохраняется возможность для создания справедливой и человекоориентированной цифровизации европейского образца с упором на защиту данных и права потребителей?

Есть все предпосылки для этого. У вас сильные институты социальных услуг, в том числе в сферах образования, науки и технологий. Они способны делать свою работу на том же или, возможно, более высоком уровне, чем Кремниевая долина и Китай. И огромные средства прямо сейчас инвестируются в инновационные разработки в рамках различных европейских проектов.

Не хватает некой комплексной стратегии, чтобы связать все это воедино. И, как мне кажется, Европе придется определиться с контурами своей собственной модели. Это всегда конкуренция. У вас, конечно, есть пролиберальные силы, которые настаивают на том, чтобы Европа подчинилась своей нынешней судьбе в рамках единого цифрового рынка, верно? Это одна из возможных конструкций.

Но другая ее версия выглядит совершенно фантастически. Создавать ее в текущих условиях, когда ведется открытая борьба с гораздо более мощным противником – тут, вероятно, не обойтись без предоставления гражданам новых форм прав с их последующей реализацией.

Весь этот процесс не может сводиться исключительно к поиску и наработке новых прав. Можно законодательно закрепить право и тут же о нем забыть. Это очень удобная штука – нет ничего проще, чем внедрять такие права, поскольку это напрямую не затрагивает бизнес-модели тех компаний. В Германии есть право на

информационное самоопределение. Но чего это право стоит в мире, где правят бал алгоритмы. Да, оно необходимо как хорошая стартовая площадка, но опять-таки без более широкого решения нет возможности понять, что считается прогрессом в XXI веке и как нам его достигнуть через единение, а не конкуренцию.

Но, быть может, ситуация меняется прямо сейчас?

Да, но нынешний своеобразный взрыв протестных настроений среди молодежи – это, по большому счету, приговор старшему поколению за ошибки, допущенные в ходе строительства. И в этом, насколько я могу судить, нет проявлений исконно политической материи. При всей своей полезности это по сути не политическое, а протестное движение.

Реальным примером, реальной моделью должны стать, как я уже говорил, результативные усилия по созданию максимально альтруистического социального института. Такие процессы имели место в ряде стран: в Великобритании это происходило в 1930-х годах, а в Германии, думаю, в 1950-х, и в других странах тоже.

Сохраняете ли вы оптимизм по поводу перспектив создания таких институтов в наши дни?

У меня есть ряд оснований для оптимизма и пессимизма. Основания для оптимизма стоит, как мне кажется, искать в самом факте возникновения этого нового цифрового общества – с самоуправляемыми автомобилями, умными городами. И тут мы подходим к той точке, где во мне начинает зарождаться небольшой пессимизм, поскольку есть все основания полагать, что извлечению выгоды из всего этого может помешать банальная нехватка интеллекта.

Евгений Морозов

Евгений Морозов (Evgeny Morozov) родом из Беларуси, он американский писатель и исследователь, изучающий политические и

социальные последствия от внедрения новых технологий.